

В.В. ВЫСОКОВА, А.А. ДЕРГАЧЕВА

ЧЕСТНОСТЬ КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ В «СЕРЬЕЗНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ» ДАНИЭЛЯ ДЕФО¹

Авторы представляют результаты исследований третьей части романа Д. Дефо о Робинзоне Крузо, вышедшей на свет в 1720 г. «Серьезные размышления Робинзона Крузо» мало известны исследователям и пока не переведены на русский язык, в то время как только все, взятые вместе, части романа дают целостную картину авторского замысла. Данная работа является публикацией перевода части второй главы этого сочинения – «Эссе о честности». Рассуждения Дефо показаны в контексте изменений английского культурного кода Нового времени. Сделан вывод о конфликте двух морально-этических канонов – христианской и буржуазной морали. Уникальность текста определяется тем, что он пронизан библейской мудростью и отражает трансформацию морально-этических ценностей нонконформиста Дефо.

Ключевые слова: Британия, Дефо Д., Просвещение, Робинзон Крузо, «переходная эпоха», пуританская мораль, моральная философия

«Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» являются третьей частью известного романа о моряке из Йорка, написанного одним из самых заметных английских писателей первой трети XVIII в. Даниэлем Дефо. Этой части «истории» о приключениях Робинзона не повезло. В отличие от первой – «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», которая имела беспрецедентный издательский успех и мировое признание, и второй части – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», где герой романа знакомит читателя с Россией, третья часть «Серьезные размышления» была прохладно встречена современниками и не переиздавалась до 1790 г., когда все три части вместе были опубликованы впервые². Интерес к ней возник совсем недавно, да и то в узком кругу специалистов³. При этом ее «автор» Робинзон Крузо во введении настаивает, что первые две части романа задумывались именно как иллюстрация к третьей и главной его части, так – «басня создана для морали, а не мораль для басни»⁴.

«Серьезные размышления» в отличие от двух первых частей романа не являются художественным произведением и представляют собой собрание наставлений, написанных от имени Робинзона Крузо. Напомним, что роман был опубликован Дефо анонимно, и читающая публика воспринимала Робинзона Крузо как настоящего автора, представившего «дневник» своих приключений. Текст «Серьезных размышлений» разбит автором на главы, которые венчает своеобразный эпилог «Видение

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в Эпоху перемен, XVII–XVIII вв.). Предисловие, научная редакция перевода и комментарии В. В. Высоковой, перевод А.А. Дергачевой.

² Furbank, Owens 1998. P. 32.

³ Novak 2019; Эдкинд 2011. С. 52.

⁴ Высокова, Дергачева 2019. С. 3.

ангельского мира». Дабы каждый мог достигнуть «ангельского мира» автор стремится поделиться с читателем «сводом» принципов, которыми руководствовался Робинзон в повседневной жизни, преодолевая многочисленные трудности. Дефо разбирает одну за другой (в отдельных главах) добродетели этого «нового» человека, прообразом которого является Робинзон. В первой главе «Об уединении» («Of Solitude») речь идет об индивидуальной ответственности человека за свою жизнь. «Полное [подлинное] одиночество» в человеческой жизни Дефо определяет как «великую благодать»⁵, хотя и констатирует, что «без человеческого общества вся жизнь человека будет очень несчастной». В этом мире, полагает автор, только через осознанный индивидуальный опыт человек может достичь счастья. Он интерпретирует островную жизнь Робинзона как образ экзистенциального одиночества человека «даже посреди густонаселенного города». Только так человек может стать «господином» своей жизни, созидающим свое собственное «царство»⁶.

Вторая глава посвящена другой добродетели – честности («Upon Honesty»). Самая большая по объему, она поделена на введение и четыре части. В первой Дефо рассуждает о честности как таковой, во второй – о честности в торговле и коммерции, в третьей – в отношениях между людьми, в четвертой – в семейных делах (текст последней части продолжает проблематику сочинения Дефо «The Family Instructor» (1715) и не вошел в данную публикацию).

В пространном *введении* в «Эссе о честности» (далее – «Эссе») Робинзон сообщает о том, что жизнь его клонится к закату и он достиг несомненного «процветания» и «человеческого счастья», чем обязан честным людям, которые встречались ему на жизненном пути, хотя и страдал немало от «низкого коварства и подлости человеческой натурь». Робинзон дает понять, что он далек от философских дискуссий своего времени и будет использовать слово *честность* «в его самом простом смысле, без.. обиняков или двусмысленностей, ибо я желаю говорить прямо и искренне... в соответствии с подлинным значением этого понятия». Честность в его представлении – это *долг* человека перед Создателем «сделать столько много хорошего... сколько возможности сделать это Провидение вкладывает в его руки». В этом «богатые люди являются фригольдерами своего Создателя» – творца «неба и земли». Они должны заботиться о «младших детях семьи», а именно о бедных. Кто не платит этой «ренты» не может быть назван честным человеком. Бессердечный, бесчеловечный скупец здесь противопоставляется честному щедрому человеку, который в каждый момент своей жизни помнит о долге перед Господом и живет по суду совести в собственном сердце. Такому человеку не нужны ни советчики, ни проводники. «Наивысший суд» человеческих деяний свершается «в груди каждого человека».

⁵ Высокова, Дергачева 2019. С. 29.

⁶ Экзистенциальный аспект трилогии Дефо о Робинзоне привлек в последние годы жизни внимание выдающегося французского философа Жака Деррида. Derrida 2011.

В *первой части* «О честности в целом», хотя Робинзон и заявлял о простоте своих доводов, он рассуждает о морали как универсальной ценности в отношениях между людьми. «Честность – это общая порядочность разума, способность действовать справедливо и благородно во всех сферах – духовной и светской, и в отношении всех людей – благополучных или падших». Действовать «справедливо и благородно» значит придерживаться золотого правила: «чего не пожелаешь себе – не делай другому»⁷. Интересно, что Дефо нигде не использует слов «нравственность» и «мораль», а передает основные положения нравственного поведения человека через противопоставление «честность-ложь». Ложь в тексте часто близка по смыслу к слову «обман», а лжец (англ. knave) сравнивается с честным человеком: «человек может быть бедным, но честным; несчастным, но честным; однако лжец и христианин, или лжец и джентльмен – несовместимые понятия». Другими «врагами» честности становятся такие человеческие пороки как «гордость», «хитрость», «злословие», «бессердечие». Дефо выводит здесь два «вида» честности: бессердечная «правовая честность» (буква закона) и честность, которая является «законом совести» («божьим законом»). Тема незаконно «по закону» осужденного должника не раз и не два встречается на страницах «Эссе», и здесь определенно ощущается травматический опыт самого Дефо. В развитие темы добавим, что уже старший его современник Дж. Локк в «Опыте о человеческом разумении» (1690) выводит три «вида» честности: если спросить, почему человек должен держать свое слово, у *христианина*, который ожидает счастья или несчастья в иной жизни, он скажет: «Потому что этого требует от нас Бог, имеющий власть над вечной жизнью и смертью». Если же спросить у *последователя Гоббса*, он скажет: «Потому что общественное мнение требует этого и Левиафан накажет тебя, если ты этого не сделаешь». А если бы можно было спросить какого-нибудь *древнего языческого философа*, он ответил бы: «Потому что поступать иначе нечестно, ниже достоинства человека и противно добродетели – высшему совершенству человеческой природы»⁸.

Вторая часть «Испытание честностью» – о жестокости (аморальности) буржуазной морали. Робинзон, опираясь на принятое им христианское понимание честности, пытается показать несправедливость людей и законов по отношению к человеку, попавшему в затруднительное положение в своем предприятии. В его рассуждениях чаще всего речь идет о «денежном долге». Человек может оказаться в долгах в результате: «собственных пороков и невоздержанности» (1), «невежества и недостатка рассудительности в управлении делами» (2), «обманов, грабежа или несчастных случаев – пожар, шторм и т.п.» (3). Хотя нигде Дефо не ставит под сомнение сам институт товарно-денежных отношений, он считает, что «долг не является тяжким преступлением и никогда не был

⁷ «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12).

⁸ Локк 1985. С. 117.

таковым; и морить людей в тюрьме голодом – наказание хуже, чем виселица, вещь настолько жестокая, что кредитор ни в коем случае не должен обладать властью причинять ее». В таких пассажах как: «нужда превыше человеческой природы», «сам Господь провозгласил, что сила обстоятельств непреодолима...», «неисчислимы случайности низвергают... людей», – ощущается личный опыт автора (банкротство и долговая тюрьма) и безжалостность «невидимой руки рынка». И если мерить коммерцию добродетельными категориями, активно присутствующими в философском дискурсе рубежа XVII–XVIII вв., несомненно, товарно-денежные отношения предстают как великая несправедливость. Поэтому мораль в сочинениях Юма, а позже Бентама и Милля приобретет ярко выраженный утилитарный характер и перестанет отвечать «золотому сечению» христианской морали: «никто не может служить Богу и мамоне». Слова Христа, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное» (Мф. 19:24), уйдут в забвенье.

В *третьей части* «Честность в обещаниях» обсуждается роль честности «в мирских делах» – ответственность держать данное слово или обещание. В мирских делах все больше царит «притворная честность», «лицемерие», которые в «двадцать раз» опаснее откровенной лжи, в то время как честное имя дороже жизни⁹ (в русских переводах – «добро»), считает Робинзон. Также тревожит Робинзона злословие, он выводит из долгой своей жизни следующие максимы: тот, кто стремится упрекнуть в недостаточной честности других людей, подошел очень близко к нарушению своей собственной; тот, кто поспешно упрекает другого без достаточных на то оснований, и сам не может быть честным человеком; там, где может быть достаточно оснований для упрека, честный человек всегда деликатен по поводу нравов своего ближнего из чувства брэнности собственного бытия. Очевидно, что в тексте «Эссе» Дефо как «христианин, который ожидает счастья» и свято верит в роль Провидения, вступает в конфликт с практической моралью буржуазного общества. На это указывают непримиримые противоречия в тексте, чего, по-видимому, Дефо не замечает. Он пишет, что есть «такое обстоятельство, при котором ни один человек в мире не остался бы честен. Нужда превыше силы человеческой природы, и для Провидения позволить человеку впасть в эту нужду – значит позволить ему грешить, поскольку природа не наделена силой, чтобы защищаться, и сама Божья благодать не в состоянии укрепить ум против греха».

Очевидно противоречие текста «Эссе» и мировоззренческой позиции самого Дефо в столкновении христианской морали (Дефо воспитан в нонконформистской диссидентской академии и даже готовился принять священнический сан) с новой, отбрасывающей всякие нравственные основания, буржуазной моралью – то, что в последствии получит название «ханжеской морали». Как заметил Ноам Хомский, ханжа – это

⁹ «A good life hath but few days: but good name endureth for ever» (Есс. 41, 13); Праведная жизнь коротка – доброе имя вечно.

человек, отказывающийся следовать стандартам, которые он предъявляет к другим¹⁰. Сошлемся и на вывод российского философа О. Дробницкого о том, что европейская этика вплоть до последней трети XVIII в., выявив ряд специфических характеристик нравственности (социально-историческое происхождение морали, ее особая роль в жизни общества, ее нормативно-долженствовательный характер, и т.д.), так и не сумела согласовать их в единой концепции¹¹. Это было и невозможно при победе Левиафана и стоящего на его страже закона. Русская пословица «закон, что дышло, куда повернешь – туда и вышло», перекликается в данном тексте Дефо с латинской поговоркой *Summum jus, summa injuria*.

ЭССЕ О ЧЕСТНОСТИ [введение]

Когда я, наконец, вернулся домой, в свою страну, и начал постепенно возвращаться к обстоятельствам моих прошлых странствий, – как милостиво вы можете предположить, не делать этого было не в моих силах, – и процветание, коим я наслаждался в то время, совершенно естественно привело меня к размышлениям о конкретных шагах, с помощью которых я достиг оно. Мое весьма приподнятое состояние было, несомненно, человеческим счастьем; неволя, через страдания которой я прошел, сделала мою свободу еще слаще для меня, и то, как скоро я оказался в непринужденных обстоятельствах после состояния за гранью возможного, только добавило сладости.

Однажды, когда я размышлял о счастливом стечении обстоятельств, принесших мне процветание, мне пришло в голову, насколько это зависело, по божественному Провидению, от принципа честности, который я нашел почти у всех людей, с коими мне довелось встречаться в моих частных и личных делах; столкнувшись в других обстоятельствах с необычайными проявлениями низкого коварства и подлости человеческой натуры, я не мог не отметить удивительные проявления честности, встреченные мною у некоторых людей, с которыми я имел дело. Я подразумеваю, в частности, тех, кто имел непосредственное отношение к обстоятельствам моей свободы, состояния моего имущества, или иным возможностям, оказавшимся в их руках.

Прежде всего, это одно мое доверенное лицо – верная вдова, жена капитана, с которым я впервые отправился к побережью Африки, и которому я доверил £200, доход, полученный мною во время моих первых приключений у Гвинеи, описанных в первом томе, на стр. 18.

Эта женщина осталась вдовой и была в стесненных обстоятельствах, но когда я написал к ней из далекой Бразилии, где я был в таком положении, что она могла бы справедливо предположить, что я никогда не вернусь, или даже если бы и вернулся, не был бы в состоянии потребовать у нее эти деньги; я также не имел ничего, чтобы заручиться ее доверием; тем не менее, она была настолько честна, что послала полностью всю сумму, что я попросил – £100; и показала, насколько это было в ее силах, свою искреннюю и честную заботу о моем благе, прислав мне также много необходимых вещей, о которых я не просил в своем письме – например, две Библии, а также другие хорошие книги для моего чтения и для обучения мною, как она объяснила потом, жителей католических и языческих стран, в каковые я имел шанс попасть. Честность ведет не только к выполнению всякого долга и полному доверию нашему соседу – настолько, насколько это справедливо; но честный человек признаёт себя должником всего человечества, ибо он может сделать столько много хорошего, будь то для души или тела, сколько возможности сделать это Провидение

¹⁰ Chomsky 2002.

¹¹ Дробницкий 2002. С. 7.

вкладывает в его руки. Для того, чтобы отдать этот долг, человек постоянно ищет возможность совершать любые проявления добра и благородства, которые только возможно совершить; и, хотя мало кто считает так, человек не является совершенно честным, если не поступает подобным образом.

Принимая все это во внимание, я сильно сомневаюсь, что жадный и ограниченный человек – скупец, как мы его называем, тот, кто отдает себя лишь самому себе, будто бы он и родился только для себя одного, кто отказывается от преимуществ и возможностей делать добро, – я имею в виду, в высшей степени, как я описал, – я очень сомневаюсь, может ли такой человек быть истинно честным человеком. Нет, я полагаю, не может, потому что, пусть он и платит каждому по договоренности, и точен, как он думает, до фартинга, но все это – только часть той справедливости, которая, согласно расхожему выражению, и является величайшей несправедливостью. Это одно из значений известной поговорки «Summum jus, summa injuria»¹².

Уплатить каждому человеку ему принадлежащее – обычный закон честности, но делать добро всему человечеству, насколько это в ваших силах, – наивысший закон справедливости; и хотя, в обычном праве или по справедливости, как я ее называю, человечество не может предъявить нам никаких претензий, если мы всего только честно оплачиваем наши долги, но в небесной канцелярии они проявятся отчетливо, за них будет взыскано по справедливости – за все то хорошее, что должно было быть сделано, что было в нашей власти, и этот суд, наивысший суд, свершается в груди каждого человека – это истинный суд совести, и совесть каждого человека является для него верховным судьей. Если он не выполнил свои обязательства, не оплатил этот долг, совесть предпишет ему оплатить оный под угрозой наказания прослыть нечестным человеком, пусть даже перед самим собою; если он все же откажется подчиниться, совесть будет действовать в соответствии с законными этапами процедуры Суда совести, пока, наконец, она не издаст ему “приказ явиться” и объявит его мятежником по отношению к естеству и собственной совести.

Все это, впрочем, подтверждает мои наблюдения за многими людьми, которые думают, что они чрезвычайно честны, если они платят свои долги, и не должны, как говорится, ни одной душе; они, как истинные скряги, которые стяжают все только для себя, но даже не помышляют о долге милосердия и благотворительности, который они должны всему человечеству. [...]

О честности в целом

Я постоянно наблюдаю, что, как бы ни было мало по-настоящему честных людей, каждый человек думает и говорит о себе как о честном человеке. Честность, подобно небесам, превозносится всеми, и все люди претендуют на нее; это настолько общее место, что, подобно заезженной шутке, клятва веры обесценивается для человека – та, что в ее первоначальном смысле, есть клятва честности, и именно так следует ее понимать.

Как и в отношении небес, это меньше всего понимают те, кто более всего на это претендует; часто это определяется расчетом в соответствии с частным интересом человека, хотя в то же самое время широкое толкование, которое некоторые позволяют себе, несовместимо с их [честности и небес] природой.

Честность – это общая порядочность разума, способность действовать справедливо и благородно во всех сферах, духовной и светской, и в отношении всех людей, благополучных или падших; способность же или неспособность человека поступать так не относятся к делу.

Честность можно разделить на справедливость и равноправие, или, если хотите, на долг и честь, поскольку оба они составляют не что иное как честность.

¹² «Безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправью» (перевод А.С. Козлова).

Взыскательная справедливость – это долг перед всеми нашими собратьями; благородная, всеохватная справедливость вытекает из этого золотого правила: «*Quod tibi fieri non vis alteri ne feceris*» [«Чего не желаешь себе, не делай другому»]; все это вместе взятое и составляет честность; честь, на самом деле, – слово в высоком стиле для того же самого, и

*Отличается от справедливости только по названию,
Ведь честность и честь – одно и то же.*

Честность имеет столь определяющий характер, что это наиболее нарицательная из всех возможных добродетелей; честный человек – наивысший титул, которым можно наградить в этом мире; все другие титулы пусты и нелепы без нее, и ни один титул не может быть воистину постыдным, если человек остается честен. Это та заглавная буква, по которой будет известен характер каждого человека, когда его личные умения и достижения уже прохудились от времени; без нее [честности] человек не может быть ни христианином, ни джентльменом. Человек может быть бедным, но честным, несчастным, но честным; однако лжец и христианин, или лжец и джентльмен – несовместимые понятия. Солгав, человек теряет свою репутацию и честь своей семьи, и его родовой герб должен нести особый знак, подобно незаконнорожденным. Когда джентльмен теряет свою честность, он перестает быть джентльменом, но с той же минуты становится распутником, и должен считаться таковым.

[...] Величайшее зло, которое, мне кажется, сопутствует этой добродетели, как розе – шип, колющий тех, кто трогает ее, – это гордость; человеку трудно быть очень честным и не гордиться этим; и, хотя тот, кто действительно честен, имеет, как говорится, чем гордиться, но я думаю, что эта честность в большой опасности, если кто-то ценит себя слишком высоко за обладание ею.

Истинная «честная честность», если мне будет позволено такое выражение, имеет наименее отношение к гордости с любой точки зрения на свете; она проста, чиста, подлинна и искренна; и если я слышу, что человек хвастается своей честностью, я не могу не испытывать некоторых опасений за него, по крайней мере, в том, что это [признак] его нездоровья и слабости.

[...] Существует уродливый сорняк, называемый хитростью, который очень пагубен для нее и который особенно вредит ей, скрывая ее от нашего обнаружения и затрудняя ее поиски. Это так похоже на честность, что многие люди были обмануты и приняли одно за другое на рынке; нет, я даже слышал о таких, кто посадили эту «дикорастущую честность», как мы могли бы назвать ее, в их собственной земле, использовали ее в своих дружеских и деловых отношениях, и полагали, что это и было настоящее растение, однако из-за нее они всегда теряли доверие. И это еще не самое худшее, потому что потери были также и у тех, кто имел с ними дело, и у тех, кто торговал фальшивым товаром; и мы до сих пор видим много обманутых так, за сим и жалобы на ложных друзей, и плутовство, и обман в обычных мирских делах.

[...] Человек, который совершает поступки, сообразуясь лишь с минимальной честностью, находится в большой опасности. Я, несомненно, считаю справедливым делать все, что полагается по закону, но, если я ограничиваю свои поступки только такими, которые законны в буквальном смысле, я должен бросить каждого должника, пусть и бедного, в тюрьму, и не освобождать его до тех пор, пока он не заплатит все до последнего фартинга; я должен повесить каждого злодея без милосердия; я должен взимать штрафы за каждую просрочку и взыскивать за неисполнение каждого договора. Короче говоря, я должен стать неудобен всему человечеству и превратить его в неудобное мне – одним словом, стать тем же самым лжецом и тираном, поскольку бессердечие не есть честность.

Таким образом, Высший Судья оставил нам общее правило о честности для всякого человека, к которому сводятся все частности: «*Quod tibi fieri, non vis alteri ne fe-*

ceris»¹³. Это часть той честности, о которой я пишу, и которая действительно является более важной из этих двух; это проверка на прочность и великая заповедь, к которой можно прибегать, когда законы молчат.

Я слышал, как некоторые люди рассуждают, что они не руководствуются какими бы то ни было соображениями о нищете частных лиц, если дело касается продления срока или переуступки долга; что это все *ex gratia*¹⁴, или последствия финансовой политики, потому что обстоятельства заставляют их принять решение лучше взять ту часть, что они могут получить, чем потерять все целиком.

Допускаю, что они могут быть в своем праве, если мы говорим о букве закона.

С другой стороны, человек, который дает долговую расписку, признает себя ответственным за нее не более, чем по закону; то есть, он может оспаривать иск, держаться до последнего, и, в конце концов, скрыться, чтобы ему не смогли вручить решение суда или исполнительный лист; он может обезопасить свое имущество, как и себя самого, от исполнительного производства, и даже вовсе никогда не выплатить этот долг, и все же в глазах закона быть честным человеком; и эта часть правовой буквальности честности поддерживается только другой, а именно бессердечной частью; ибо на самом деле такой человек, рассуждая в смысле общей справедливости, является лжецом; он должен действовать в соответствии с истинным намерением и смыслом своего обязательства, а также по справедливости в отношениях должника и кредитора – выплатить ему свои деньги, когда придет срок, а не держаться до последнего только потому, что невозможно заставить его заплатить раньше.

Законы страны действительно допускают такие действия, каковые ни в коем случае не могут допустить законы совести – как в данном случае, когда кредитор предъявляет иск по своему долгу, а должник не платит его до тех пор, пока он не будет принужден к этому по закону. Аргумент, который используют для того, чтобы оправдать моральность подобной практики, звучит таким образом:

Если человек доверяет мне свои деньги или товары в обычный кредит или заручившись моим словом, эти деньги он обеспечивает только моим словом, и зависит как от моей платежеспособности, так и от моей честности; но если он придет и потребует от меня долговую расписку, он перестает зависеть от моей честности и прибегает к закону для своей безопасности; смысл такого действия в том, что если он будет иметь долговую расписку, в его силах будет заставить меня заплатить ему, хочу ли я этого или нет; что же касается моей честности, он уже не будет иметь с ней ничего общего; поэтому мои действия по освобождению от долговой расписки в рамках того же закона, что применяет этот человек, будут столь же правомерны, как и иск с его стороны.

Таким образом, буква закона может разрушить честность как должника, так и кредитора, и в то же время и тот, и другой будут в своем праве.

Если же я могу высказать свое мнение по этому поводу, ни один из них не является честным человеком в том смысле, о котором я говорю; честность не состоит из отрицательных качеств, поэтому недостаточно просто не причинять ближнему личного ущерба согласно строгим смыслу и букве закона; я обязан, когда случай и обстоятельства предоставляют такую возможность, относиться к таковым случаям и обстоятельствам так, как того требует разум. Таким образом, – возвращаясь для начала к кредитору и должнику, – разум требует, что человек, попавший в экстремальные обстоятельства, не должен быть разорен за долги; ведь то, что неразумно, не может быть честным.

Долг не является тяжким преступлением и никогда не был таковым; морить людей в тюрьме голодом – наказание хуже, чем виселица, – вещь настолько жестокая, что кредитор ни в коем случае не должен обладать властью причинять ее. Законы Божии никогда не предполагали такого способа обращения с должниками, каковой мы с

¹³ «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6, 31).

¹⁴ «от благодати», «из милости» (лат.).

тех пор сочли за правильный – не скажу честный – в нашей практике; но так как государственная политика столь щедро предоставила должника на милость букве за-кона, будет честным по отношению к закону действовать так; но в этом случае нужно счесть разумным и сострадание – почему нужно «*взять постель его из-под него*»¹⁵? Об этом и говорит текст [Библии], подразумевая, что это неестественно и неразумно.

[...] Некоторые могут возразить, если я должен относиться ко всему человечеству так же, как в подобном случае оно отнесется ко мне, я был бы должен подавать каждому нищему и прощать каждого бедного должника; ибо, если бы это я был нищим, мне бы тоже подали, и если бы я был в тюрьме, я бы был освобожден; и поэтому я должен отдать все, что у меня есть. Рассуждать так – значит передергивать аргумент; смысл его остается в отрицании: *не* делайте другому ничего такого, не причиняйте ему никаких тягостей, каковые вы не сочли бы справедливыми, находишься вы в подобном положении.

Честность – это справедливость, каждый человек – лорд-канцлер самому себе; и, если он будет руководствоваться этим внутренним принципом, он найдет столь же разумным защищать своего соседа, как и себя самого. Но я продолжаю.

Испытание честностью

Только нужда делает честного человека лжецом; и если бы мир был судьей в соответствии с общепринятым мнением, на свете не было бы ни одного честного бедняка.

Богатый человек – честный человек не благодаря себе самому; ибо он был бы вдвойне лжецом, обманывая человечество тогда, когда у него нет нужды в этом: у него нет повода ни испытывать свою добросовестность, ни вообще касаться границ нечестности. Расскажите мне о человеке, который очень честен, потому что он всем платит пунктуально, никому не должен, не вредит никому; очень хорошо – в каких же жизненных обстоятельствах он находится? Ах, у него есть изрядное состояние, солидный годовой доход и никакого предприятия? Если такой человек станет лжецом, он, должно быть, в полном владении дьявола, ибо ни один человек не совершает зла ради самого зла; даже сам дьявол в грехах своих имеет далеко идущие замыслы, а не просто злодейство. Ни один человек не ожесточен в своих преступлениях настолько, чтобы совершать их просто из удовольствия от самого факта преступления – он всегда потакает какому-то пороку: амбиция, гордость или алчность делают лжецами богатых людей, а нужда – бедных. Но продолжим об этом честном богаче; у его соседа, процветающего торговца, чья честность была столь незапятнанной, насколько возможно, пропал богато нагруженный корабль, или его заморский агент промотался, а его вексель был опротестован, и он оказывается банкротом – он склонен скрыться или переуступить свой долг. Наш честный богач ополчается против соседа: теперь тот стал лжецом, изгоем и не платит своих долгов, давайте-ка примем закон, что, если пустился в долги, которые он не способен выплатить, он должен быть повешен, и тому подобное. Если беднягу прижал какой-то кредитор, и его посадили в тюрьму – да пусть сидит, он этого заслуживает; он станет примером другим, чтобы они не поступали так. И теперь, когда все свершилось, этот разорившийся торговец может быть так же честен, как и любой другой.

Вы говорите, что вы честный человек – откуда вы это знаете? Желали ли вы когда-либо хлеба, в то время как буханка вашего соседа хранилась бы у вас, и в той ситуации предпочли умирать от голода, но не есть его? Были ли вы когда-нибудь арестованы, и не могли прийти к мировому соглашению с вашим истцом – самостоятельно или же с помощью друзей – а в это же самое время у вас имелся в сундуке деньги другого человека, доверенные вам на хранение, – пошли ли бы вы на то, чтобы вас заключили в тюрьму, прежде чем взять часть доверенного и нарушить обеща-

¹⁵ «...если тебе нечем заплатить, то для чего доводить себя, чтобы взяли постель твою из-под тебя?» (Кн. притч. 22, 27).

ние, данное доверителю? Сам Господь провозгласил, что сила обстоятельств непреодолима – настолько, что Он заповедал нам во имя нашего спасения не презирать вора, который ворует в таких обстоятельствах; это вовсе не значит, что человек становится в меньшей степени вором, а факт его воровства – менее нечестным. Слова [Библии] в этом месте удивительно точно подобраны к поучению: не презирайте этого человека, но помните, что если бы вы оказались в таком же отчаянном положении, вы стали бы тем же человеком и сделали бы то же самое, хотя теперь вам и кажется, что ваши принципы так непоколебимы; поэтому, каким бы ни было его преступление, как заповедал Бог, не упрекайте его, а посему, кто думает, что он стоит, уберегись, дабы не упасть.

По моему мнению, можно назвать такое обстоятельство, при котором ни один человек в мире не остался бы честен. Нужда превыше силы человеческой природы, и для Провидения позволить человеку власть в эту нужду – значит позволить ему грешить, поскольку природа не наделена силой, чтобы защищаться, и сама Божья благодать не в состоянии укрепить ум против греха.

[...] Но чтобы увидеть, на самом ли деле честность этого человека залегаёт глубже, чем у соседа, давайте немного перетянем весы его удачи на другую сторону. Его отец оставил ему хорошее состояние; но вот появились какие-то родственники – они размахивают иском на право владения его землями, выселяют его арендаторов, и человек попадает в неприятности, замешательство и преследование по закону. Слишком высокие таксы тяжбы вскорости лишают его всех наличных денег, а его ренты приостанавливаются, и вот он совершает первое посягательство на свою честность (согласно своим же прежним правилам): он идет к другу, чтобы занять денег, говорит ему, что этот вопрос будет решен, он надеется, быстро, и рента вернется к нему, и тогда он заплатит долг – и он действительно намерен сделать это. Но потом его постигает разочарование: проходит суд, он проиграл, и его право на имущество оказывается утерянным; его отец был обманут, и он не только теряет имущество, но и должен вернуть ту арендную плату, что он получал. Итак, человек разорен, у него нет ни пени, чтобы купить хлеба или как-то помочь себе, и, кроме этого, он не может вернуть займ в долг деньги.

Теперь обратимся к его соседу-торговцу, которого он так во всеуслышание называл лжецом, не оправдавшим доверия. К этому времени тот разобрался с кредиторами и снова съездил за границу, и он встречает того на улице в своих отягощенных обстоятельствах. «Что ж, – говорит торговец, – почему вы не заплатите моему двоюродному брату, своему старому соседу, денег, которые вы одолжили?» – «Это так, – говорит он, – потому что я потерял все свое состояние и не могу заплатить; увы, мне даже не на что жить». – «Да, но, – отвечает торговец, – не стали ли вы лжецом, заняв денег, которые теперь не можете вернуть?» «Что ж, и это так, – говорит джентльмен, – когда я одалживал их, я действительно собирался быть честным и не сомневался, что верну свое имущество, тогда бы я был в состоянии заплатить ему все до последнего пени, но случилось совсем обратное, и пусть я отдал бы долг, если бы у меня были деньги, все же сейчас я не могу сделать это». «Хорошо, – говорит торговец снова, – но не вы ли называли меня лжецом, хотя я потерял свое состояние за рубежом из-за непреодолимых бедствий, тогда как вы лишились имущества в собственной стране? Разве вы не укоряли меня, когда я не мог заплатить долг? Я бы так же заплатил всем, если бы мог, как и вы». – «Что ж, это правда», – говорит джентльмен, – «я был дураком; я не понимал, что это было вызвано нуждою, и я прошу прощения».

Продолжим эту историю. Торговец по соглашению частично улаживает долги со своими кредиторами, выплатив каждому из них справедливую пропорцию из остатков своего имущества, насколько это возможно, получает долговое освобождение и возвращается к делу. Он трудолюбив, и снова берется за торговлю, поднимается до благополучного состояния, и в конце концов удачный [торговый] вояж или иной большой куш вновь возвышают его над миром. Человек, помня об остатках своих

прежних долгов и сохраняя принцип честности, созывает вместе своих старых кредиторов, и, хотя он уже получил ранее долговое освобождение, добровольно выплачивает им оставшуюся часть. Высокородный джентльмен же, не приспособленный к делу, в отчаянном положении уезжает за границу и поступает на службу в армию, и, зарекомендовав себя хорошо, становится офицером, а после – по заслугам своим – и большим человеком; но и в новом своем положении он не занимает свою голову прошлыми долгами на родине, но подвизается при дворе и в фаворе у принца, где он сделал свое состояние, и уж там слывет тем же честным человеком, что и прежде.

Я думаю, мне не нужно спрашивать, кто из этих двоих является честным человеком, равно как и то, кто из тех двоих воистину раскаялся – фарисей или мытарь.

Честность, как и дружба, проверяется в несчастье; и тот, кто громче всех выступает против оных, кто во время такой проверки вынужден сдаться, возможно, отступит так же при подобном ударе судьбы.

Быть честным, когда мир и изобилие сами текут нам в руки, – что ж, нужно благодарить наших родителей за благословение; но оставаться честным, когда обстоятельства ухудшаются, отношения становятся нестабильными и конфликтными, когда нищета глядит нам в глаза и весь мир угрожает нам, – тогда благословение приходит с Небес и может быть дано только оттуда. Господь Всемогущий мало замечает тех, кто служит Ему только пока Он кормит их. Этот сильный аргумент дьявол использовал в том диалоге между Сатаной и его Создателем об Иове. «Да, он непорочный человек, и страшно справедливый человек; еще бы он не был таким, когда ты даешь ему все, что он хочет. Я бы сам служил тебе и был бы так же верен тебе, как Иов, если бы ты был так же добр и щедр ко мне, как к нему; но теперь, не тронь его и пальцем; приостанови руку дающего и оставь его, заставь его немного терпеть лишения и сделать его подобным тем беднягам, которые теперь поклоняются ему, и ты быстро увидишь, как твой добрый человек станет таким же, как и другие люди; нет, страдание, которое причиняет ему такие потери, заставят его, как и другие, в лицо».

Верно, что дьявол ошибся в человеке, но этот аргумент все же нес в себе большую вероятность, и можно извлечь мораль как из аргумента, так и из последствий:

I. Легко сохранять честность и праведность, когда человек не вовлечен ни в какое дело, и бедность не давит на него.

II. Когда же нужда и бедствия застигнут человека, тогда и настанет время, чтобы доказать честность своих принципов.

Преуспевающий честный человек может только похвалой говорить миру, что он честен, но разорившийся честный человек, оказавшись в тяжелых обстоятельствах, слышит, как другие люди говорят о нем, как он честен.

[...] Много подобных случаев оставило нам Писание, свидетельствуя о характере хороших людей, об их поступках в целом и об искушении их сердец, не упрекая их в то же время в конкретных недостатках, хотя их грехи были чрезвычайно тяжкими, и в тех обстоятельствах весьма постыдными.

Если какой-либо человек окажется настолько слаб, что выведет отсюда позволение с легкостью преступить свою честность под предлогом нужды, пусть он дойдет со мной до конца этого наблюдения, и найдет для этого возможность, если посмеет.

[...] Итак, если ни одного человека невозможно назвать честным, кроме того, кто никогда не был искушен даже в малом отступить от высоконравственной жизни, того, кто был достаточно силен, чтобы сопротивляться соблазнам [ложных] перспектив, или натиску бедствий, посягающих на его порядочность – горе мне, что пишу, и большинству тех, что читает! – где же найдем мы честного человека?

В Писании эта идея особенно отмечена такими словами: «Ибо семь раз упадет праведник, и встанет» (Кн. пр. 24,16). Как же так, ведь это очень странно: если человек совершает семь преступлений на дно – то есть много, здесь смысл в множестве, – как может он быть честным человеком? Что говорят о нем в мире? Повестье

его; он лжец, негодяй, бесчестный малый. Это суд людской; но в суждении Писания он может быть праведником.

Основной замысел этого стиха и надлежащее истолкование его – завещать нам, что мы не должны слишком поспешно клеймить нашего брата за его грехи, его слабости или несчастья, так как тот, кто совершил непреднамеренное или другое преступление и нечестен в ваших глазах, может выбраться из этого бедствия искренним покаянием, и завтра же стать в глазах своего Создателя более честным человеком, чем ты сам.

Но здесь я сталкиваюсь с другим критически настроенным честным человеком. Ты говоришь о падении сегодня и возрождении завтра, грехе и покаянии; значит, если некий тип обманет меня на 500 фунтов и придет ко мне плакаться о своем покаянии, говоря, что надеется, Бог уже простил его, то мне будет трудно взыскать с него то, что Господь уже отпустил; он искренне сожалеет о вине, и тому подобное, и просит моего прощения, то есть, на самом деле, вымогает мое имущество. И что в этом покаянии для моих денег? Пусть он заплатит мне, тогда и я прошу его. Бог мог простить ему грех, но это не имеет отношения к его долгу.

Что ж, действительно, – могу я ответить на это, – вы находитесь в своем праве, если человек может вернуть вам долг и не делает этого; ибо я не подвергаю сомнению то, что каждое нарушение такого рода требует не только покаяния, но и возврата [долга]; вернуть столько, сколько должнику возможно; и если последнее отсутствует, то и первое вряд ли будет искренним.

Но если человек либо совершенно не в состоянии заплатить вам, либо выплачивает часть долга, но на пределе своих возможностей, а затем приходит и говорит то, что описано выше, то бедный человек прав, а вы – нет; ибо я совершенно не сомневаюсь, и могу привести на это неоспоримые доводы, что и тот может быть честен, кто не в состоянии оплатить долги свои, но не тот, кто может заплатить, но не платит.

Неисчислимые случайности низвергают чрезвычайно обеспеченных людей до бедственного и низкого положения; одни пали из-за своих собственных пороков и неумеренности; другие по слабости и невежеству и просто по недостатку рассудительности в управлении своими делами; некоторые обманом и мошенничеством посторонних; некоторые из простой случайности и неизбежных несчастных случаев, в которых власть Провидения показывает нам, что в гонке не всегда побеждает самый быстрый, в битве – самый сильный, а богатства не всегда достаются разумному¹⁶.

[...] Но так как я начал этот спор, я не могу не сделать небольшое отступление в отношении людей, которые терпят неудачу в торговле. Я считаю, что самая большая ошибка таковых – страх перед признанием банкротства, который побуждает их, пока не иссякло к ним доверие, хотя и средства уже исчерпаны, поднажать еще, ожидая или по крайней мере надеясь вернуть себе положение каким-то счастливым вояжем или удачной сделкой, как они это называют, и устоять на ногах.

Я должен сказать, что не могу признать честность такого поступка; тот, кто знает, что его положение трудно и состояние его на нуле, по справедливости не должен влезать в долги, потому что после этого он торгует не на свой собственный риск, а с риском для кредиторов, и все же он торгует для своей собственной прибыли, а не их. Это несправедливо, потому что он обманывает кредитора, который веряет свои средства предприятию, которое считает крепким, а другой знает, что это не так. Нет, хотя он действительно заплатит этому кредитору, он не честен; ибо, по совести, его бывшие кредиторы имели право на все его прибыли пропорционально его долгам; и, если он действительно заплатит все одному, а остальным только часть, это неправильно в целом.

¹⁶ «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым - победа, не мудрым - хлеб, и не у разумных - богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их» (Екк. 9, 11).

Поэтому я бы посоветовал всем торговцам, которые видят, что их дела ухудшаются, если уж не в тот момент, пока они все еще могут полностью отдать все долги, то по крайней мере, как только они впервые найдут себя неспособными платить, полностью остановиться и созвать всех кредиторов; если есть достаточно средств, чтобы заплатить всем, пусть они заберут все; если же нет, пусть они возьмут свои части по справедливости. Это означает, что вы, безусловно, будете иметь Божье благословение, и звание честного человека останется с вами, чтобы начать с начала, да и кредиторы часто решают, с учетом такой исключительной честности, подкинуть еще немного, чтобы позволить такому человеку снова встать на ноги, или поддержать его добровольным продлением кредита и своею дружбой. Это гораздо лучше в отношении процентов и [сохранения] честности, чем пускаться во все тяжкие, пока бремя не станет слишком тяжелым для должника или кредитора. Это предотвратило бы многие тяжкие случаи, которые, я думаю, подвергают честность человека столь чрезмерному испытанию.

[...] Есть еще одна сторона в торговле, с которой знакомы многие очень честные люди, и которую, я думаю, ни в коем случае не нужно защищать, и это касается фальшивых денег. Традиция, до того, как старые монеты в Англии были выведены из употребления, настолько преобладала над честностью, что я видел, как некоторые люди смешивали все свои старые деньги с наличными для повседневных сделок, чтобы они были в каждой сумме, которую те платили, и таким образом они могли бы сбить монеты тому или другому; я слышал, многие люди признавались, что совершенно не стесняются этого, но я никогда не мог заставить их привести хоть один веский довод для оправдания честности такого поступка.

Во-первых, они говорят, поскольку эти монеты пришли как деньги, они должны и уйти так же, на что я отвечаю, что это столь же хорошая причина, как такая: А. обманул меня, и поэтому я могу обмануть Б. Если я получил сумму денег как полноценную, и, не зная, что какая-либо из монет – старая, предлагаю ее в качестве оплаты другому, это справедливо и честно; но если другой покупатель завершил сделку, и он возвращает мне фальшивую монету или подделку, которые я меняю снова, а потом, зная, что это фальшивка, сбываю ту же монету следующему, худшей степени мошенничества я не знаю в целом мире, и я не сомневаюсь, что смогу доказать это бесспорно.

Если первый человек не принял эту фальшивку, так потому, что он сумел распознать ее, будучи одновременно бдительным и опытным; но, если я предложу фальшивку другому, так с расчетом, что тот, будучи либо менее бдительным, либо менее опытным, не заметит ее, и поэтому я воспользуюсь невежеством или недостатком внимания моего соседа.

[...] «Да, но... – скажет опытный торговец, который считается честнее среднего, – я всегда обменяю монету обратно, если ее возвратят». Да, сэр, так же и карманник отдаст вам ваш носовой платок, когда вы приперли его к стене и угрожаете ему расправой толпы. Дело, короче говоря, в том, что если человек, которого вы обманули, не сможет обмануть никого другого, то вовсе не благодаря вам: когда он вернется, обвиняя вас в мошенничестве, вы удовлетворите его требование, ведь, не сделай вы этого, закон принудит вас.

Но если вы собираетесь получить прибыль от мошенничества, к чему вы явно готовы, согласны на это, и способствуете тому, что должно произойти, то вот следствие: ваш первый грех против честности умножается во всех руках, через которые сознательно передается эта фальшивая монета, пока, в конце концов, она не попадает к бедному человеку, который не сможет избавиться от нее, и там, где монета была так необходима, чтобы купить хлеб голодному семейству, воцарятся зло и страдания.

Все когда-либо встреченные мною оправдания не могли убедить меня, что подсунуть олово или медь вместо золота или серебра – это честно; не больше, чем было бы дать слепому посылочному песок вместо сахара, или черный хлеб вместо белого.

Честность в обещаниях

«Человек познается по своему слову, а бык – по своим рогам», – говорит старая английская поговорка. Если я правильно понимаю ее смысл, он в том, что честный человек известен точным соблюдением своего слова – это столь же естественно и ясно, как любое создание узнается по своему наиболее очевидному отличительному признаку. Эта особенность честного человека, его отличительный знак. Слово или обещание для него во всех его мирских делах так же священо, как самое строгое обязательство, которое может быть возложено на него; это не результат сформировавшихся умозаключений, или некая стратегия, направленные, конечно, на то, чтобы повысить или укрепить свой авторитет; нет, это естественный результат его принципа честности; это следствие, причина которого – его честность; человек перестает быть честным, когда перестает сохранять это священное отношение к взятому слову.

Если он дает слово, любой может верить ему неприкосновенность своей жизни или имущества; он с презрением смотрит на то, чтобы уклоняться или изменить себе в точном соблюдении своего слова, пусть и в ущерб себе.

Я не могу сбить честного человека ни на дюйм в точном соблюдении обещания, данного им на честное слово, и выполнении его, насколько это возможно, потому что в самой природе человека, способного отказаться от данного им слова, есть, очевидно, нечто действительно низкое.

Почитание нашими предками своих обещаний и данного слова, я считаю, принесло то, что любой лжи теперь присуще клеймо чрезвычайного позора и скандала. Джентльмен – современное наименование честного человека или человека чести, и он не может получить большее порицание, чем когда его назовут лжецом; то есть скажут, что он отказывается от своего слова, нарушает обещание; в ту же минуту как он совершает это, он «раз-джентльменивает» себя, позорит кровь своей семьи, становится выродком, распутником, негодяем, и т.д.

Те люди, чье суждение о чести доходит до крайностей, считают, что обвинение во лжи непозволительно в отношении того, кого они называют джентльменом, или кто зовет себя так, пока он настолько не покроет себя сам всеми возможными степенями позора, что его побьют ногами и палками, и т.п.; и уж после этого, когда он нарушает свое слово, ему можно сказать, что он лжет, или что-то еще; но до тех пор такое обвинение – столь невыносимое оскорбление, что человек, осмелившийся столь нагло нарушить правила хорошего тона, не заслуживает чести и справедливости в своей жизни; подобно тем из диких зверей, которым отказывают в справедливой защите по закону об охоте и подстреливают у каждой изгороди, этих людей, как хулиганов и просто распутников, можно пристрелить в темноте и пырнуть ножом за углом переулка; то есть, с ними можно сделать что угодно, лишь бы исключить их из человеческого общества как лиц, непереносимых в содружестве хороших манер.

Я не согласен с такими крайностями; но я использую этот пример, чтобы свидетельствовать о почитании слова честного человека всеми добрыми людьми, и о почтении, которое в мире получила разумная добросовестность, выраженная уважительным отношением к данному слову. Французы, выражая подтверждение своей чести, всегда говорят так: «Je suis homme de parole»¹⁷, я честный человек или «Я человек слова»; то есть, я человек, которому можно верить на слово, потому что я никогда его не нарушаю.

Такова была ценность обещаний в прежние времена, что на основе обещания выплату денег можно было возместить в наших судах по закону, пока неудобства не оказались столь велики, что был принят закон, ограничивающий эту сумму десятью фунтами¹⁸. Но и по сей день, если мужчина обещает взять женщину в жены, особенно если она предоставила ему свою благосклонность на этом основании, законы

¹⁷ Букв.: «Я человек (своего) слова».

¹⁸ Statute 29 Car. II, ch. 3.

страны, которые в этом отношении основаны на законах чести, обяжут его сделать это по правилам, и это обещание будет признано достаточным, чтобы запретить ему женитьбу на ком-то еще.

[...] Нет такого, что не сделал бы мудрый человек, чтобы не нарушить свое слово и не дать миру такое неоспоримое свидетельство того, что он лжец. Это то самое доброе имя, о котором Соломон говорил, что оно важнее, чем [короткая] жизнь, что оно – как драгоценные благовония, и что если человек однажды потерял его, у него не остается ничего, что стоило бы сохранить¹⁹. Человек может даже повеситься, потому что ни один человек, похожий на человека, больше не составит ему компанию.

Если человек однажды нарушит свое слово, ни один человек, который заботится о своей репутации, не желает видеть его в своей компании; все добрые люди избегают его, словно чумного.

Есть и такие люди, которые чрезмерно точны в своих обещаниях и честном слове, но все же их нельзя назвать честными, потому что у них есть другие пороки и изъяны, которые делают их неправедными. Эти дают заверения о красоте честности, выбрав ее в качестве наилучшей маски, чтобы приукрасить свои поступки и скрыть другие пороки своей жизни; здесь честность, как и религия, используется для того, чтобы замаскировать лицемера и бросить тень на доброе имя, используя уважение, которым мир ее наделяет. Я скажу об этой притворной честности, как говорится о религии в подобных случаях. Если бы честность не была самым выдающимся достижением, ее бы не использовали как самое благовидное прикрытие; и нет для человека более изощренного способа притворства, как изображать чрезмерное рвение к выполнению своих обещаний; потому что, когда мнение о честности кого бы то ни было распространится среди людей, нет ничего, что они не доверили бы ему, ни таких трудностей, на которые они бы не пошли ради него.

Все люди почитают честного человека: лжецы от него в восторге, дураки обожают его, а мудрецы лютуют его; да, добродетель – воздаяние само по себе.

Честные люди находятся в большей опасности от одного такого лицемера, чем от двадцати откровенных лжецов; ибо последние отмечены общим знаком, предупреждающим, как бакен о [подводном] камне, чужеземцев не наткнуться на него. Но лицемеры подобны ловчей яме, отмели под водой, скрытой опасности, которую невозможно увидеть. Я должен признаться, что нахожу таковых опаснее всего и также познал тяжкие страдания, поведшись на их заверения в честности. Уважение, которое я всегда испытывал к самому прекрасному дару, ниспосланному Богом или полученному человеком, заставляло меня легко обманываться его подобием.

[...] Если каждый человек, который не может вовремя выплатить обещанный долг, должен быть поэтому назван лгуном и бесчестным человеком, то пусть тот, кто без греха, бросит камень²⁰, потому что никто другой не должен делать этого.

Действительно, есть разница между случайностью и обычным течением жизни; то есть, если говорить коротко, есть разница между тем, кто оправдывает нарушение своего слова слишком большим количеством обстоятельств, и тем, кто – лишь немногими; если это будет преступление, то совершающий его однажды не более честен, чем совершающий то же преступление сорок раз; если же это не преступление, тот, что делает это сорок раз, так же честен, как тот, кто делает это единожды.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Высокова В.В., Дергачева А.А. Размышления Даниэля Дефо о «жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 10. Сер. Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 10–31.

¹⁹ «Праведная жизнь кротка – доброе имя вечно» (Екк. 7, 1).

²⁰ «Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Иоан. 8:7).

- [Vysokova V.V., Dergacheva A.A. Razmyshleniya Danielya Defo o «zhizni i udivitel'nykh priklucheniyaх Robinzona Kruzo» // Imagines mundi: al'manakh issledovaniĭ vseobshcheĭ istorii XVI–XX vv. No 10. Ser. Al'bionika. Vyp. 5. Ekaterinburg, 2019. S. 10–31].
- Дробницкий О.Г. Моральная философия. Избранные труды. М.: Гардарики, 2002. [Drobnitskii O.G. Moral'naya filosofiya. Izbrannye trudy. M.: Gardariki, 2002].
- Эдкинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». М.: Новое литературное обозрение, 2013. [Edkind A.M. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii». M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013].
- Chomsky N. Distorted Morality: America's War on Terror? Chomsky. Delivered at Harvard University, February 2002. URL: <http://www.chomsky.info/talks/200202-02.htm>
- Derrida J. The Beast and the Sovereign. Vol. II. Translator Geoffrey Bennington. University of Chicago Press. 2011.
- Furbank P.N., Owens W.R. A Critical Bibliography of Daniel Defoe. London; Brookfield, Vt.: Pickering & Chatto, 1998.
- Novak M. Imaginary Voyages in Serious Reflections and A Vision of the Angelick World. URL: <https://english.illinoisstate.edu/digitaldefoe/features/novak13.pdf>
- Writings on Travel, Discovery and History by Daniel Defoe. v. 7. L.; Brookfield, Vt.: Pickering & Chatto, 2001.
- Serious reflections during the life and surprising adventures of Robinson Crusoe: with his Vision of the angelick world. Written by himself. London: Printed for W. Taylor. 1720.

Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет, vysokova@mail.ru
Дергачева Анна Алексеевна, магистр истории; newnuta@gmail.com

Daniel Defoe's Serious Reflections upon "The Life and Strange Suprizing Adventures of Robinson Crusoe"

The authors present the results of research of the third part of D. Defoe's novel about Robinson Crusoe, which was published in 1720. «Serious Reflections of Robinson Crusoe» have not yet been translated into Russian, while only all parts of the novel taken together give a complete picture of the author's intention. This work is a publication of the translation of the second chapter of this work by D. Defoe «Essay upon Honesty». Defoe's reasoning is shown in the context of changes in the English cultural code of transitional era, the author of the article comes to the conclusion about the conflict of two ethical canons – Christian and bourgeois morality. The uniqueness of the text is determined by the fact that it is permeated with biblical wisdom and reflects the transformation of the Defoe's non-conformist moral and ethical values.

Keywords: Britain, D. Defoe, Enlightenment, Robinson Crusoe, «transitional era», Puritan morality

Veronika Vysokova, Dr. hab. (History), Professor of the Modern and Contemporary History Department Ural Federal University; vyssokova@mail.ru

Anna Dergacheva, MA (History), independent researcher; newnuta@gmail.com